

ГИ ДЕ МОПАСАН

Милый друг

GUY DE MAUPASSANT

Bel-Ami

Roman

ГИ ДЕ МОПАССАН

Милый друг

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
М78

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Перевод с французского *Анастасии Чеботаревской*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-6334-5 (PDF)
ISBN 978-617-12-5622-4

- © DepositPhotos.com / sha-Rullin, KarchevskayaZhanpa, DarkBird, shmeljov, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Получив у кассирши сдачу с пяти франков, Жорж Дюруа вышел из ресторана.

Хорошо сложенный от природы, сохранивший еще свою военную выправку, он выставил грудь вперед, привычным молодцеватым жестом закрутил усы и окинул запоздалых посетителей быстрым и зорким взглядом — одним из тех взглядов красивого мужчины, которые охватывают все кругом, словно взгляд ястреба, высматривающего свою добычу.

Женщины подняли на него глаза; это были три скромные работницы: учительница музыки, не первой молодости, плохо причесанная, небрежно одетая, всегда в запыленной шляпе и в сбившемся набок платье, и две мещанки со своими мужьями — обычные посетители этого ресторанчика с дешевыми обедами.

Очутившись на тротуаре, Дюруа на секунду остановился, обдумывая, что ему предпринять. Было 28 июня, а в кармане у него осталось ровно три франка и сорок сантимов до конца месяца. Это означало два обеда без завтраков или два завтрака без обедов, на выбор. Он высчитал, что завтрак стоит один франк

десять сантимов, а обед полтора франка; таким образом, довольствуясь завтраками, он сэкономит франк двадцать, что обеспечит ему два ужина из колбасы с хлебом да два бокала пива на бульваре. Это было главным его расходом и главным вечерним развлечением. Он направился по улице Нотр-Дам-де-Лорет.

Он сохранил походку тех времен, когда еще носил гусарский мундир, — выпяченная грудь и слегка расставленные ноги, точно он только что слез с лошади; он грубо проталкивался вперед по переполненной народом улице, задевая плечом, толкая прохожих, никому не уступая дороги. Сдвинув немного набок свой поношенный котелок и постукивая каблуками, он шел с таким видом, словно презирал все — прохожих, дома, весь город, — с высокомерием красивого солдата, попавшего в общество штатских.

Несмотря на свой шестидесятифранковый костюм, он сохранял отпечаток известного изящества, бесспорного, но кричащего и несколько вульгарного. Высокий, хорошо сложенный, белокурый, со слегка рыжеватым оттенком волос, пышными усами, торчащими над верхней губой, светло-голубыми глазами с очень маленьким зрачком, с выющимися волосами, разделенными прямым пробором, он олицетворял собою героя бульварного романа.

Был один из тех летних вечеров, когда в Париже не хватает воздуха. В городе было жарко, как в бане, и казалось, он истекал потом в удушливом мраке ночи. Из гранитных пастей сточных труб вырывалось их отравленное дыхание, а из окон подвальных кухонь несся на улицу омерзительный запах прокисшего соуса и помоев.

Привратники, без пиджаков, сидя верхом на соломенных стульях, курили трубки под воротами домов; прохожие шли усталым шагом, с непокрытыми головами, держа шляпы в руках.

Дойдя до бульвара, Жорж Дюруа снова остановился, колеблясь в выборе дальнейшего пути. Ему хотелось дойти до Елисейских Полей и авеню Булонского леса, чтобы там, под деревьями, подышать немного свежим воздухом; и другое еще желание томило его — желание любовной встречи.

Каким образом она произойдет? Он не знал этого, но уже три месяца, как он ждал ее каждый день, каждый вечер. Правда, благодаря красивому лицу и изящной фигуре ему время от времени перепадало немножко любви, но он надеялся на большее и лучшее.

С пустыми карманами и кипящей кровью, он загорался от каждого прикосновения уличных женщин, шептавших ему на углах: «Пойдем со мной, красавчик», — но он не решался идти за ними, не имея чем заплатить; и, кроме того, он ждал чего-то иного, иных ласк, менее вульгарных.

Тем не менее он любил посещать места, кишашие публичными женщинами, — их балы, их кафе, их улицы; любил толкаться среди них, болтать с ними на «ты», вдыхать их крепкие духи, чувствовать их возле себя. Это все же были женщины — женщины, которых можно любить. Он не испытывал к ним никакого презрения, свойственного семейным людям.

Он направился в сторону Мадлен и отдался течению толпы, которая струилась, изнемогая от жары. Большие кафе, переполненные людьми, захватывали часть тротуара, выставляя напоказ своих посетителей в ослепительном, режущем свете, льющемся из их озаренных витрин. Перед ними, на круглых или четырехугольных столиках, стояли стаканы с напитками — красными, желтыми, зелеными, коричневыми, всех оттенков; внутри графинов блестели большие прозрачные куски льда цилиндрической формы, охлаждавшие прекрасную чистую воду.

Дюруа замедлил шаг; от желания выпить что-нибудь у него пересохло в горле.

Жгучая жажда, жажда летнего вечера, терзала его, и он живо представил себе восхитительное ощущение холодного напитка во рту. Но если он позволит себе два бокала сегодня вечером, тогда прощай скудный ужин завтрашнего дня; а ему были слишком хорошо знакомы голодные часы конца месяца.

Он сказал себе: «Нужно дожидаться десяти часов и тогда выпить бокал в “Кафе Америкен”. Черт возьми! Как, однако, хочется пить!» И он смотрел на всех этих людей, сидевших за столиками и пивших, на всех этих людей, которые могли утолять

жажду, сколько им было угодно. Он проходил мимо кафе с наглым и вызывающим видом и по выражению лиц, по костюму одним взглядом оценивал, сколько у каждого посетителя было при себе денег. Глухое раздражение поднималось в нем против всех этих спокойно сидящих господ. Если поискать, в их карманах найдутся, конечно, и золотые, и серебряные, и медные монеты. В среднем у каждого должно было быть не меньше двух луидоров; в кафе было не меньше ста человек; сто раз по два луидора — это четыре тысячи франков! Он пробормотал: «Свины!» — продолжая изящно покачиваться на ходу. Поймай он одного из них на улице, в темном закоулке, он, право же, без долгих размышлений свернул бы ему шею, как, бывало, делал это в деревнях с домашней птицей в дни больших маневров.

И ему вспомнились два года, проведенных в Африке, вспомнилось, как он грабил арабов на небольших южных стоянках. Жестокая и злая улыбка пробежала по его лицу при воспоминании об одной проделке, стоившей жизни трем арабам из племени улед-алан и доставившей ему и его товарищам двадцать кур, двух баранов, золото и тему для шуток на полгода.

Виновных так и не нашли, да, впрочем, их и не искали, так как арабы считаются чем-то вроде естественной добычи солдата.

В Париже — не то. Здесь нельзя грабить открыто с саблей на боку и револьвером в руке, как там, вдали от гражданского правосудия, на свободе. Он чувствовал в душе все инстинкты унтер-офицера, развратившегося в покоренной стране. Право, теперь ему было жаль этих двух лет, проведенных в пустыне. Какая досада, что он там не остался! Но он надеялся на лучшее по возвращении. И вот!.. Да, нечего сказать, теперь лучше!

Он провел языком по рту, слегка прищелкивая, точно для того, чтобы удостовериться в сухости нёба.

Толпа двигалась вокруг, изнеможенная и усталая; он продолжал думать: «Скоты! У всех этих болванов есть деньги в кармане». Он толкал встречных плечом и насвистывал веселые песенки. Мужчины, которых он задевал, оборачивались, ворча; женщины говорили: «Вот нахал!»

Он миновал «Водевиль» и остановился против «Кафе Америкен», спрашивая себя, не зайти ли выпить бокал — до того мучила его жажда. Прежде чем решиться на это, он взглянул на часы с освещенным циферблатом посередине тротуара. Было четверть десятого. Он знал себя: как только бокал с пивом окажется перед ним, он проглотит его моментально. Что ему потом делать до одиннадцати часов?

«Дойду до церкви Мадлен, — сказал он себе, — и медленно пойду назад».

На углу площади Оперы он столкнулся с толстым молодым человеком, лицо которого смутно показалось ему знакомым.

Он пошел за ним, роясь в своей памяти и повторяя вполголоса: «Где я, черт возьми, видел этого субъекта?»

Тщетно перебирал он свои воспоминания, потом вдруг, по странному капризу памяти, этот самый человек представился ему менее толстым, более молодым и одетым в гусарский мундир. Он вскричал: «Да ведь это Форестье!» — прибавил шагу и хлопнул проходящего по плечу. Тот обернулся, посмотрел на него, потом сказал:

— Что вам угодно, сударь?

Дюруа засмеялся:

— Ты меня не узнаешь?

— Нет.

— Жорж Дюруа, шестого гусарского.

Форестье протянул ему обе руки:

— А, дружище! Как поживаешь?

— Отлично, а ты?

— Я — неважно. Представь себе, грудь у меня теперь стала словно из папье-маше: из двенадцати месяцев в году я шесть кашляю — последствия бронхита, который я схватил в Буживале сразу по возвращении в Париж, уже четыре года тому назад.

— Что ты! Да ведь у тебя совсем здоровый вид.

Взяв под руку своего старого товарища, Форестье принялся рассказывать ему о своей болезни, о диагнозах и предписаниях врачей, о трудности следовать их указаниям в его

положении. Ему предписано провести зиму на юге; но как это выполнить? Он женат, он журналист, имеет отличное положение.

— Я заведую отделом политики в «Ви Франсез». Пишу отчеты о заседаниях сената в «Салю» и время от времени даю литературную хронику в «Планет». Да, я вышел в люди.

Дюруа с удивлением посмотрел на него. Он очень изменился, возмужал. Теперь у него была манера себя держать, походка, костюм — как у человека солидного, уверенного в себе; брюшко человека, который плотно обедает. Прежде он был худым, тщедушным, гибким, легкомысленным, задорным, шумливым и всегда веселым. Париж в три года совершенно преобразил его: он потолстел, стал серьезным, волосы на висках начали сесть, а ведь ему было не больше двадцати семи лет.

Форестье спросил:

— Куда ты идешь?

Дюруа ответил:

— Никуда, просто гуляю перед тем, как вернуться домой.

— Так не проводишь ли ты меня в «Ви Франсез»? Мне нужно там просмотреть корректуру. А потом пойдем выпьем вместе по бокалу пива.

— Идет.

И они пошли под руку с той свободной непринужденностью, которая сохраняется у товарищей по школе и по полку.

— Что ты делаешь в Париже? — спросил Форестье.

Дюруа пожал плечами:

— Попросту околеваю с голоду. Когда окончился срок моей службы, мне захотелось вернуться сюда, чтобы... чтобы сделать карьеру или, вернее, просто пожить в Париже; и вот уже полгода, как я служу в управлении Северных железных дорог и получаю всего-навсего полторы тысячи франков в год.

Форестье пробормотал:

— Черт возьми, это не жирно.

— Я думаю. Но скажи, как могу я выбиться на дорогу? Я одинок, никого не знаю, не имею никакой протекции. Мне недостает средств, отнюдь не желания.